

Л. И. Журова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

К ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКИХ ТЕКСТАХ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИИ

И. Шевченко поставил вопрос о возможности существования в рукописном наследии Максима Грека, созданном в России, греческих черновиков или оригиналов писателя. В статье изложены история текста и анализ поэтики 45-й главы Хлудовского кодекса («Словеса, созданные скорбящим иноком, затворенным в темнице, которыми он себя утешал в 1532 г.»), позволяющие высказать версию о существовании первоначального варианта текста на греческом языке. Сопоставление сочинения с «Ответом Святому собору» (1548 г.) объясняет высказывание Максима Грека о себе: «тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем».

Ключевые слова: Максим Грек, рукописное наследие, монолог, лирическое начало, эпическое произведение, авторское самосознание

*К 500-летию прибытия
Максима Грека в Россию*

На Международной конференции «Москва и греческая культура» (1997 г.) был прочитан доклад американского слависта И. Шевченко, сформулировавшего новый посыл в изучении Максима Грека: «я предлагаю рассматривать Максима не только как просветителя “русских” (ученые уже следовали по этому пути некоторое время), но как писателя и поэта ранней греческой диаспоры» [Шевченко, 1998, с. 52]. Основанием для такой позиции стала история ряда сочинений, имеющих греческий текст («Слово о покаянии», «Слово обличительное на еллинскую прелесть», «Слово... на Иудея»), перевод которых на церковнославянский язык, как полагал И. Шевченко, принадлежит самому автору — Максиму Греку. Ученый насчитал 800 строк греческой поэтической продукции Максима Грека и поставил автора в ряд других греческих поэтов, друзей Михаила Триволиса (Максима Грека): И. Ласкариса, М. Мусурса, творчество ватопедского инок в России определил как «славянское литературное одеяние Максима» и предложил «напоминание всем исследователям о том, что предпосылкой для оптимального изучения Максима Грека является хорошая осведомленность в греческой литературе и языке» [Шевченко, 1998, с. 52]. В последней своей работе, представленной автором как эссе, И. Шевченко представил Максима Грека в измерении четырех миров: греческого, западного, молдавлахийского и мира Московского государства [Шевченко, 2009, с. 480]. Концепцию о Максиме как русском писателе американский византист признавал малоубедительной вследствие того, что сам монах считал себя иноземцем, что писал он не по-русски, что главным литературным орудием у него был греческий книжный язык (ряд произведений на церковнославянском языке являются его переводами с греческого), и вообще, по мнению И. Шевченко, «изящная словесность» на русском языке начинается с Аввакума, а научно-богословская еще позже» [Шевченко, 2009, с. 477]. На самом деле, Максим Грек в приписке к стихам, адресованным некоему Макробию, признался: «тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем». Эти строки находятся в рукописи Австрийской национальной библиотеки, Phil. gr. № 202. Л. 15 об., обнаруженной П. Бушковицем, и датируются 1552/1553 г. [Бушкович, с. 216], годами интенсивной работы Максима Грека над собранием своих сочинений (Иоасафовским, Хлудовским). Авторский проект, рассчитанный на русского читателя, удостоверяет осознание себя писателем невольно обретенного отечества, где не только по царской воле, но по Божьему Промыслу («И Божия

благодать, учаща разуму всякого человека, грядущаго въ миръ, благоизволила и посла мя от Святыя Горы въ благовѣрную страну вашу, великыя Руси»¹) ему была уготована драматическая судьба, предопределившая бессмертие.

Роли византийского наследия и итальянского периода жизни в творчестве Максима Грека посвящен ряд работ, и обновленная творческая биография Святогорца представлена в трудах Н. В. Синецкой [Синецкая, 2008]. Сегодня ему атрибутировано около 150 сочинений различной тематики и многообразных жанров, написанных в России [Синецкая, 1993–1994]², связанных с актуальными вопросами общественной жизни Московского государства. Это есть собственно рукописное наследие инокса Максима, принесшее ему славу знаменитого средневекового писателя. Сравнение корпуса трудов, созданных в России, с небольшой долей сочинений домосковского периода: к итальянскому периоду его биографии (1492–1506 г.) относятся шесть писем друзьям, к афонскому (1506–1516 г.) четыре эпитафии, эпиграмма и канон Иоанну Крестителю — свидетельствует о принадлежности его творчества русской культуре. Утверждения И. Шевченко, что Максим Грек русским писателем является только географически и что в Московии «неуловимые факторы» привели к падению яркой личности [Шевченко, 2009, с. 485], тенденциозны. Сегодня установлено более 15 текстов Максима Грека на греческом языке, в том числе написанных в России, и зарубежные коллеги (вслед за А. И. Соболевским) предполагают, что какое-то количество его сочинений, дошедших на церковнославянском языке, «являются авторскими переводами с греческого» [Шевченко, 2009, с. 478]. Безусловно, Святогорец мог писать на греческом языке, находясь в московских монастырях, но определить состав таких сочинений наверняка не представляется возможным, тогда как обширное рукописное наследие писателя на церковнославянском языке является неоспоримым очевидным фактом.

В науке поставлен вопрос о стихотворном творчестве Максима Грека, вероятнее всего, на греческом языке [Бушкович, с. 217]. Стоит согласиться с предупреждениями И. Шевченко: «каждый филолог, сталкивающийся с текстом Максима Грека, должен поставить перед собой вопрос: не восходит ли этот конкретный текст к греческому черновику, созданному автором?» [Шевченко, 1998, с. 50]; «до какой степени мы можем — или должны — предполагать, что за сохранившимся текстом данного труда стоит его греческий черновик или оригинал» [Шевченко, 1998, с. 52]. Обсуждению этого вопроса посвящена настоящая статья. Основным критерием отбора таких сочинений, вероятно, должно стать содержание.

В рукописном наследии Максима Грека выделяется небольшое сочинение, отличающееся лирическим характером: «Сия словеса сътворилъ инокъ, въ темници затворенъ и скорбя, ими же себе утѣшаше и утврѣжаше въ трѣпении въ 7 тысяч и 40-ное лѣто» [Журова, 2011, с. 131–132]. Видимо, оно появилось как экспромт в один из тяжелых периодов жизни афонского монаха в России (сентябрь 1531 — август 1532 г.): после суда 1531 г. какое-то время Максим Грек еще провел в темнице Иосифо-Волоколамского монастыря [Синецкая, 2008, с. 185]. Очень вероятно, что этот текст имел греческий оригинал, потому что разговор с самим собой, внутренний монолог о сокровенном возникает, естественно, на родном языке.

Обращает на себя внимание название. Оно служит своеобразным предисловием к тексту, вводит ситуацию, в которой сложилось импровизационное по своему характеру высказывание: инок, скорбящий в темнице («Сия словеса сътворилъ инокъ, въ темници затворенъ и скорбя»), и раскрывает авторскую интенцию: терпение помогает человеку выстоять, разговор с самим собой утешает («ими же себе утѣшаше и утврѣжаше въ трѣпении»). Позиция — говорить о себе в третьем лице — наблюдается только в заголовке, она отличается от диалогичности, на которой

¹ Ответ вкратце к Святому собору (РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцев. № 264. Л. 288).

² В библиографическом труде А. И. Иванова Максиму Греку приписано 365 сочинений [Иванов].

построено повествование. Таким образом, перед нами два текста. Расхождение между ними можно объяснить двумя обращениями автора к сюжету. Заголовок надписан к давно существовавшему сочинению, этим можно объяснить указание даты создания «Словес», она — воспоминание о событии. Наличие датировки, следует заметить, — крайне редкое явление в писательской практике Максима Грека. Первоначальный вариант, вероятно, сложившийся на греческом языке в 1532 г., был автором переработан: переведен на древнерусский язык и озаглавлен. Этот этап следует относить ко времени составления Хлудовского собрания — 50-е годы XVI в., в котором «Словеса» помещены в качестве главы 45. Можно заметить, что в это время Максим Грек отправляет свой греческий текст некоему Макробию (1552/1553 г.) [Бушкович, с. 216—217], занимается переводом Псалтыри (1552 г.) по просьбе инок Троице-Сергиева монастыря Нила Курлятева и обучает его греческому языку. В Предисловии к Псалтыри троицкий монах писал о достоинствах перевода Максима Грека, который превосходно («до конца») владел русским языком наравне с латинским и греческим, хорошо знал сербский, болгарский и словенский. Указание на время составления «Словес» можно объяснить обращением писателя к своему архиву на стадии собирания и систематизации собственных трудов (конец 40-х — начало 50-х годов XVI в.). Очень вероятно, что создание текста на греческом языке и появление его версии на древнерусском с надписыванием заголовка относятся к разным этапам жизни и творчества писателя.

Поэтика текста «Словес» вскрывает стихотворную природу оригинального текста. Композиция сочинения — уединенный монолог (по классификации В. Е. Хализева [Хализев, с. 232]). Это высказывание человека, находящегося в одиночестве и психологической изоляции от окружающих. Но внутренняя речь повествователя в «Словесах» осложнена диалогичностью: герой обращается к своей Душе³, ведет с ней беседу⁴. Выразительно начало:

«Не тужи / ни скорби / ниже тоскуи о них /
любезна ми Душе!».

Синонимичный ряд нагнетает минорную тональность повествования, а ритмичность, построенная на чередовании «трехсложных стоп» (если заимствовать язык стихосложения), и интонационные паузы (цезуры) передают эмоциональное состояние души лирического героя. Развернутое обращение, составленное из трех членов («любезна ми Душе»), заключившее фразу, синхронизирует с заданным ритмом. Далее в «Словесах» прямых обращений к Душе нет, кроме «окаанна», но на апелляциях, создающих ситуацию диалогичности, построена вся речь, причем в жизнеутверждающей интенции:

Но паче благодарствуи твоему Владыцѣ и хвали, и слави Его благоразумно...
Внимаи убо, да не сѣтования время възмниши злѣ...
Весели же ся паче и радуися богомудрено...
Радуися и веселися, якоже Господь твои повелѣваеть.

³ Обращение к Душе напоминает начало «Слова о покаянии», имеющего, как обнаружено П. Бушковичем, оригинал на греческом языке: «Нелѣстно пребываемъ, Душе, ниже беспечно, ниже акы младенцы неискусни смысла поругаеми бываемъ...» (Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / Отв. ред. Н. В. Синецкая. М., 2014. С. 198). Об истории текста см: [Бушкович, с. 218; Буланин, 1993, с. 231].

⁴ О диалогичности как писательском принципе Максима Грека пишет Н. В. Синецкая: «Эпическая часть собрания Максима проникнута атмосферой диалога. Это и внутренний, в подтексте, диалог автора с обвинителями, и диалог как литературная форма» [Синецкая, 2008, с. 206].

Риторический период, составленный из повторов синтаксической конструкции с императивом в сильной позиции начала фразы, придает тексту интонационно-мелодичную оформленность. На лирический характер сочинения указывает образ-переживание, когда скорбь инока-«заточника» (лирического субъекта) сопрягается с общечеловеческим смыслом страдания.

Но, наверное, нельзя считать «Словеса» плачем⁵, поскольку эмоционально окрашенные размышления Максима Грека о своем творчестве, своей деятельности придают эпический характер содержанию. Душевное состояние затворенного инока определено бытием, а утешение приносит осознание полезности выполненных трудов. Так, Максим Грек с чувством достоинства, выдающим его как человека ренессансной культуры⁶, пишет о своих переводах. В первую очередь он вспоминает «песнопения Давидовы», которые презентует как «духовную трапезу»: «преведши е от бесѣды еллинскыя на бесѣду шумящаго вѣщания рускаго, и ины многы книги душеполезныя, овѣхъ убо преведши, овѣхъ же, премного имущихъ ложное чюжихъ словесъ, красотою истины утвердивши». Церковный публицист в первые годы пребывания в России не скрывал своего сложного отношения к русскому языку, назвав его «шумящим». В «Словесах» он не оплакивает свою судьбу, а уговаривает Душу благодарить Владыку, который «сподобилъ тя есть въ нынѣшнѣмъ житии малыми привременными скръбьми отдати съ лихвою весь длъгъ, многъ талантъ, имиже длъжна была еси». Не сетовать и страдать надобно, уговаривает себя автор, а веселиться и радоваться, как повелевает Господь, смиренно принимая честное житие, потому что «твоя бо мѣзда велия на Небесѣхъ». Запечатленное переживание подчинено разуму, обусловлено христианским воспитанием, оно сдержанно и мужественно. Притянутое к позитивно значимому, самому ценному и дорогому для автора — его долгу и таланту, оно становится предметом лирического повествования. Эти наблюдения позволяют считать, что поэтическая природа оригинального текста проглядывает в церковнославянской версии.

Исповедальный монолог, наполненный рефлексией и медитацией, безусловно, первоначально мог сложиться в родной греческой речи. Его появление на церковнославянском языке, вероятно, обязано замыслу Максима Грека — составить собрание своих сочинений, и «Словеса» он оформил как самостоятельную главу «избранного». Примечательно, что литературным окружением «Словес» в Хлудовском собрании (РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова. № 285 (далее — Больш. 285). Л. 63–64) стали «Словеса, взставлятелна к покаянию»⁷ (Больш. 285. Л. 58 об.—62 об.), история которых может быть связана с их происхождением (переводом, пересказом) на греческом языке, и перевод Максима Грека двух версий сочинения «Како подобает входить в святыя храмы Божия» (Больш. 285. Л. 65 об.—67 об.). В Румянцевском сборнике (РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 264 (далее — Рум. 264). Л. 33 об.—34) «Словесам» предшествует статья «Того же Максима Грека, самовидца бывша мучению некоего новоявлена мученика в Гречестей земли» (Рум. 264. Л. 32–33 об.). Такой «конвой», видимо, не случаен в истории текста «Словес», он может составлять репертуар «греческой продукции» инока Максима. «Словеса» включены в состав рукописных собраний начала XVII в., составленных русскими книжниками [Журова, 2008, с. 335–337], но контекст в них изменен. Так, например, в Троицком собрании вслед за «Словесами» помещен текст 4-й главы Иоасафовского собрания⁸ под заголовком, вписанным почерком неосновного писца: «Какыя словеса рекль апостоль Петр, отвергся Христа и плакася горко»; нач.: «Горе мнѣ окаянному, горе мнѣ, увы ми, увы ми, увы!» (РГБ. Ф. 304/1. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 200. Л.

⁵ Н.В. Сеницына определила это сочинение как «Плач» [Сеницына, 2008, с. 186].

⁶ И. Шевченко называл Максима Грека «человеком, запрограммированным Западом» [Шевченко, 2009, с. 482].

⁷ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. С. 341–344.

⁸ Там же. С. 65.

349), которое П. Бушкович относил к стихотворным текстам [Бушкович, с. 217, примеч. 6]. Такое сопровождение свидетельствует о восприятии «Словес инока» троицкими книжниками как сочинения плачевой традиции. Но этот памятник имеет иную интенцию. В «Словесах» Максим Грек в 1532 г. как бы подвел итог первому периоду своей деятельности в России (1518–1525 г.), в котором он сам выделил только собственные переводы⁹. «Вместе с тем, — пишет Н. В. Сеницына, — это была и дата возобновления литературного творчества» [Сеницына, 2008, с. 185].

Результаты второго, основного этапа творчества, прошедшего в Тверском Отроче монастыре (30–40-е годы XVI в.), Максим Грек представил в уникальном сочинении, сохранившемся в единственном списке и имеющем авторскую правку, — «Отвѣтъ въкратцѣ къ Святому събору, о них же оклеветанъ бываю» (Рум. 264. Л. 288–294 об.). Оно, видимо, было составлено в тревожном ожидании собора 1548–1549 г., осудившего Исака Собаку. На это мероприятие ватопедского инока тоже могли «пригласить»: над ним нависло обвинение в том, что в сочинении о тверском пожаре 1537 г. (21-я глава Иоасафовского собрания¹⁰) он построил повествование от лица Спаса.

«Ответ» — сугубо эпическое произведение, состоящее из двух частей. В первой части Максим Грек обращается к «боголюбивому священноначальнику и богочестивому князю»: «Молю... слышати мене, отвѣщающа о себѣ, о них же от нѣких оклеветаем бываю». Несмотря на заявленную интонацию мольбы, Максим Грек в этом сочинении с тем же чувством достоинства, которое наблюдалось в «Словесах» 1532 г., «отвечает за себя». Это, видимо, последняя оправдательная речь ученого инока. Показательна его позиция: он сопоставил себя с пророком Амосом, который вещал о себе: «Не бех азъ пророкъ, ни сынъ пророческъ, но пастух, збирая сикамины. И въсприат мя Господь от овецъ и рече Господь ко мнѣ: иди, пророчествуи въ людех Моих Израила» (Ам 7: 14–15). Так и Максим: «Подобнѣ и самъ възглаголю: нѣсмь священник, ни сынъ священический, но простъ инокъ и въ богодухновеных Писании искусен отчасти. И Божиа благодать, учаща разуму всякого человека, грядущаго въ миръ, благоизволила и посла мя от Святыя Горы въ благовѣрную страну вашу, великия Руси...». Основное содержание первой части «Ответа» составило подведение итогов деятельности Максима Грека. Этот мотив позволяет сопоставить сочинение 1548 г. со «Словесами» 1532 г. К своим заслугам в «Ответе» Святогорец отнес переводческие труды, полемические трактаты и сочинения на нравственные темы. Такая последовательность в представлении рукописного наследия не случайна, она отражает в какой-то мере эволюцию творчества писателя. Целесообразно процитировать фрагмент рукописного текста, в котором, кстати, наблюдается авторская правка: «Преведохъ от греческия бесѣды на рускую съборное тълкование 150 псалмов, дѣло пречюдно и преполно всячьскыя духовныя пищи. Такожде и ины богодухновенныя книги, овых убо преведох, овых же исправивъ, много препорченых бывших от преписующих я... И понеже пришед здѣ, обрѣтох нѣкоего хулника латыномудрена, нѣмчина родом, пишуща развращенаа на православную вѣру нашу, обличих и до конца посрамах, и дрѣзжаву благовѣриа възнесохъ и свѣтъ его въ мыслех православных, якоже сама та свѣдѣтельствуют списанная мною противу всякого латынскаго зловѣриа. Такожде тоею же Божию¹¹ благодатию укрѣпляемъ и подвигаемъ¹², опльчихся крѣпцѣ противу бѣси обрѣтенную измаилтскую прелесть и противу елиньское многобожие, истѣ еже рещи, безбожие, баснями богомрѣзскими укрѣпляемо. Но ни еврейское зловѣрие без обличени разсудих оставити, но и противу сего доблевьственѣ въздвигся. Такожде и богомрѣзкую

⁹ К первому периоду его творчества (1518–1525 г.) относятся полемические трактаты (Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 171–334).

¹⁰ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. С. 219–230.

¹¹ Буква «ю» вписана над строкой почерком Максима Грека

¹² Далее зачеркнуто слово «против» теми же чернилами, которыми выполнена правка Максима Грека

арменскую ересь не невѣдому оставих благовѣрным, но и сию крѣпкими показании изобличих живу и богомрѣзку. Но ни хулящих на Пречистую Богородицу мльчаниемъ преминах, ниже без оружия оставих благовѣрных, подвизающихся за благочестие противу измаилтянех. Но и тѣмъ приготових оружия необоримаа, да сими могут загражати скверных усть ихъ. И ина же различна и немала списах о добродѣтели и злобѣ, правдѣ же и на неправдѣ, о¹³ цѣломудрии же и на нечистоту, о покаании же и¹⁴ иночьском житии, о нестяжании же и многоимѣнии, и ина различна...» (Л. 288–289).

Следует обратить внимание на то, что Максим Грек не перечисляет сочинения, а рассказывает, как он боролся с иноверцами: обличил и посрамил Николая Немчина и всякое латинское зловерие, ополчился против магометан и языческого многобожия, доблестно восстал против еврейского зловерия, изобличил армянскую ересь. Также не промолчал он против хулителей Богородицы¹⁵. Принципиально важно, что свои словесные обличительные опыты он представил как оружие, которым можно затыкать скверные уста. Если Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил замысел своих сочинений определяли как некую заготовку, помощь в «стязаниях»¹⁶, то Максим Грек свою позицию обозначил как воинствующую по отношению к еретикам. Примечательно, что в своем творчестве он выделил сочинения на темы нравственного богословия (доброта, правда, целомудрие, покаяние), общественной проблематики (иночество, нестяжание) и «ина различна». Среди «различных» писатель упоминает и свое «изложение бывшего тѣрсакаго пожара». Такой широкий репертуар произведений у писателя сложился на русской почве. Тем самым он доказал свою заявку, сделанную в начале «Ответа»: «И здѣ пришед, не празденъ, ни бездѣлень обрѣтохся благочестию вашему». Упомянутые сочинения Максим Грек включил в свое «избранное», какими являются его авторские кодексы, оформившиеся к концу 40-х — началу 50-х годов XVI в., ставшие достоянием русской литературы. Сопоставление «Словес инока» (1532 г.) с «Ответом Святому собору» (1548 г.) объясняет высказывание Максима Грека о себе: «тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем».

Его большая заслуга состоит в том, что он выступил не только как переводчик и просветитель, но и как учитель, проповедник с активной авторской позицией, с неподдельным интересом к результатам своих трудов, писатель, продемонстрировавший высокую культуру авторского самосознания [Конявская, с. 26]. Так, в «Сказании, о еже како подобаетъ извѣстно блюсти исповѣдание православныа вѣры» (69-я глава Хлудовского собрания) Максим Грек, поставив себя в ряд с Иоанном Златоустом, Исидором Пилусидским, сделал примечательное признание: «Подобнѣ тѣм святым и азъ, грѣшен богомолецъ вашъ, молю вы Иисусомъ Христом: престаните от такового новоявленого мудрования... И аще убо послушаете краткое сие въспоминание мое и престанете прочее смущати люди Божиа, слава Богу, давшему грѣшному мнѣ сидеву силу словесную!» [Журова, 2011, с. 217]. Осознание своего таланта, ответственность за высказанное слово, независимость суждений, сопереживания, которыми наполнены его сочинения, позволяют признать Максима Грека выдающимся писателем русской литературы XVI в.

¹³ Вписано над строкой, почерк Максима Грека (?)

¹⁴ Вписано в начало строки почерком Максима Грека

¹⁵ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. С. 171–242; Т. 2. С. 71–135, 338–339.

¹⁶ Так, московский архипастырь в предисловии к своему «Соборнику» писал: «Зане аще что кому ключаемо будет или противу еретических речей или межи православных нѣкое стяжание и рѣчи, и благодатию Божию обрящет готово без труда в коемждо Слово противу бываемых которых винъ къ благоугождению Божию и ползѣ душамъ» (РГБ. Ф. 173/1. Фундаментальное собр. библиотеки МДА. № 197. Л. 4).

Литература

- [Буланин Д. М.] Максим Грек. «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д. М. Буланина) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 229–240.
- Бушкович П. Максим Грек – поэт-«гипербореец» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 215–228.
- Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. В 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1; Новосибирск, 2011. Ч. 2.
- Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969.
- Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.
- Синицына Н. В. Проект издания сочинений Максима Грека // Cyrillomethodianum XVII–XVIII. Thessalonique, 1993–1994. С. 93–141.
- Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008.
- Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2002.
- Шевченко И. О греческой поэтической продукции Максима Грека // Славяноведение. 1998. № 3. С. 46–52.
- Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова. М., 2009. С. 477–488.

Ludmila I. Zhurova

Institute of History the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia

ON THE GREEK TEXTS OF MAXIMUS THE GREEK IN RUSSIA

I. Shevchenko raised a question if in manuscript heritage of Maximus the Greek created in Russia there can be the writer's Greek drafts or originals. The article contains the history of the text and the analysis of poetics of Khludovskoe collection's 45th chapter ("The Words Created by a Mournful Endungeoned Monk Which He Used to Comfort Himself in 1532"). Thus it allows to introduce a theory concerning the existence of the original text in Greek. Comparing it to "The Answer to the Holy Cathedral" (1548) we can explain the meaning of Maximus the Greek's statement about himself: "The one who used to be Helladic today has become a Hyperborean".

Key words: Maximus the Greek, manuscript heritage, monologue, epic work, authour's self-awareness

